

Токио – в поисках Японии

Tokyo – looking to Japan

текст
Вячеслав Глазычев

text
Vyacheslav Glazychev

Токио занял почетное место в моей коллекции «невозможных городов».

Именно потому, что я казался себе подготовленным к поездке как никогда, шок познания оказался столь силен. Помимо обычного интеллигентского чтения (Овчинников и другие всякие там «ветки сакуры») и многолетнего проглядывания архитектурного журнала на экспорт я успел с азиатским терпением, иероглиф за иероглифом, перевести изрядных размеров книгу. Книга называлась «Нихон-но Тоси Кукан», то есть «Пространство японского города», и была – в отличие от «экспортных» журналов на английском – написана своими для своих.

Первое, что бьет по глазам, – совершенная монотонность. Или это монотонность крошечных домиков о двух этажах, между которыми протискиваются автомобили. Или монотонность бетонных уродцев о трех-четырех этажах. Или – восьмизэтажных «пенсил-хаузов», каждый из которых возведен на плане все того же домишки, то есть четыре-пять метров по фасаду.

Идти десять минут, час или пять часов – различия не обнаруживается.

Первое впечатление: Нарита-экспресс от аэропорта с его табло на жидких кристаллах над дверьми, чтобы видеть, в какой точке пути находишься, с его удобством дизайна и прочее. Второе – японцы, как водится, не похожи на себя рекламно-киношных. В целом на редкость некрасивая толпа, великое множество деформированных фигур и лиц, дурная кожа – стресс? Несбалансированное питание?

С первого момента началась нешумная битва. Необходимо пояснение: большинство мне известных специалистов оказывались в Японии в роли гостящего ученого – со всеми надлежащими церемониями. Я же отправился туда в орнаментальной роли профессора при группе студентов архитектурного института с ответным рабочим визитом. Всей группе предстояло обитать в монастыре Дзодзедзи.

Визит вежливости на кафедру, после чего ассистент-кореец повез меня к монастырю на метро (силу ненависти корейцев к японцам знает не всякий, но почему агрессия обратилась и на русского, осталось загадкой). Он почти бежал в густой, как гороховый суп, толпе, не оглядываясь на меня. Следовало выбить его из равновесия, не теряя лица. Я не спеша продвигался в толпе на станции и, приобретая план города, не без труда, но сумел-таки самостоятельно добраться до Дзодзедзи. К счастью, хотя бы названия станций и конечных остановок автобусных маршрутов обозначены по-английски и в метро, и на табло автобусов.

Пора было чем-то перекусить. Рисковать поиском местной харчевни, где еще надлежало разобраться, что и как есть, не было сил. Я совершил преступление против совести и, увидев знакомый знак «Макдоналдса», зашел внутрь. То, что там кормят дрянью, известно, но также известно, что это, по крайней мере, будет почти одна и та же дрянь, независимо от места на планете Земля. Впрочем, «Макдоналдс», всегда адаптирующийся к местным условиям, и здесь себе не изменил: прямо в столешницу был вмонтирован экран телевизора.

Странновато: в центре огромного Токио – монастырь. Пройдя через храм, столь же формально склепанный, как новые наши церкви, переходишь во флигель. Длинный коридор, ряд темных дверей, за дверью келья размером в восемь татами. У входа маленькая ниша с вешалкой. Обувь

Tokyo is an honorable component in my collection of «impossible cities».

My experience shock was so strong because it seemed to me that I was ready for the trip in the best way possible. Except usual intelligent reading (Ovchinnikov and other «branches of sakura») and many years of looking through an architectural export magazine, I had time to translate a very big book armed with Asian patience – hieroglyph after hieroglyph. The book by Tosi Kukan was named «Nichon-no», it means «Space of a Japanese Town». It was written not for aliens, unlike «export» magazines in English.

The first thing that catches one's eye is an absolute monotony. Either it is a monotony of tiny two-storied houses, between which automobiles push their way. Or it is a monotony of tree- or two-storied concrete monsters. Or it is a monotony of eight-storied «pencil-houses». Each of them is erected in the plan of the same tiny house, that is four or five meters on the facade.

There is no difference whether you walk for 10 minutes, an hour or 5 hours.

The first impression: Narita-express going from the airport with its liquid crystal tableau above the doors to see at which point of the way you are, with its comfortable design and so on. The second one is the Japanese, that do not look like they are depicted in commercials or cinemas. In general it is an awfully looking crowd, lots of strained faces and figures, bad skin – because of stresses? Or unbalanced nutrition?

From the first moment a silent fight started. It is necessary to explain: most of the specialists I know came to Japan as a visiting scientist, with all appropriate ceremonies. As for me, I came to Japan as a professor accompanying a group of students of the Architectural faculty in the return visit. The whole group was to stay at the Dzodzodzi monastery.

After the courtesy visit to the department a Korean assistant took me to the monastery by metro (everybody knows how much the Koreans hate the Japanese, but it is strange why the aggression was turned to a Russian). He almost ran in the crowd dense like a pea soup, not looking back at me. I needed to unsettle him while saving my face. At the station I moved through the crowd unhurriedly, bought a city plan and was able to reach Dzodzodzi by myself. Fortunately the names of the stations and small bus stops were in English both in the metro and on the bus tableaux.

It was time to have a snack. It was too much for me to look for a local snackbar where I had to make out what to eat and how to eat it. I went against my conscience and, seeing a familiar sign «McDonald's», walked inside. It is well-known that they serve wastes there, but it is also known that at least it will be almost the same wastes, regardless of the place on the earth. However, «McDonald's» always adjusts to local conditions. Here it was no exception: a TV screen was embedded into the table.

It is strange that the monastery is located in the center of the big Tokyo city. After walking through the temple erected as formally as our new churches, you get into a wing. A long corridor, a row of dark doors, behind the

оставляешь здесь. Кроме маленького столика, подборки буддийских текстов по-английски и одеяла с маленькой подушкой ничего нет. Зато в пять утра – по коридору негромкий топот, удары дощечек, бормотание молитв. И еще юный японец, поместившийся у двери, как собачка: сидит, и пока я не выключу свет, нечто записывает, почти не сводя с меня глаз. Имя «собачки» мне неизвестно, общение с ней не предполагается. Она – присутствует.

Безумие случайных совмещений в пространстве-времени: на выставке весьма изощренного дизайнера-концептуалиста, сочиняющего принципиально бесполезные вещи-знаки, по-над собравшимися японцами вижу престарелого мага современного дизайна – миланца Этторе Соттсасса, в мастерской которого мне довелось бывать. После профессионального разговора с ним замечаю, что отношение токийцев ко мне переменялось. В этом отношении Токио ли, Нью-Йорк ли, Москва ли – все одно.

Оставим в покое затяжные сражения за то, чтобы нашим студентам выдали сколько-нибудь пристойные суточные (им, в Москве расшибавшимся, чтобы японские сверстники чувствовали себя хорошо, было непонятно, что здесь власти университета урезали бюджет визита), а не те 6 (шесть) долларов, на которые только что не умереть. И еще, чтобы их расселили пореже и чтобы они могли съездить в Киото. Так или иначе, я свою битву у реки Квай выиграл. Частью потому, что японские коллеги убедились в «международности» моей скромной персоны при встречах с американскими и европейскими визитерами. Частью благодаря тому, что расспросами мне удалось-таки совлечь коллегу-сэнсея с официоза настолько, что он признался в своей принадлежности к католической церкви, то есть к абсолютному меньшинству (католиков – до 1 процента населения) – с немалыми отсюда сложностями для карьеры.

...Такого города не может быть, но он есть. Пространство журналов, свойственный им принцип фильтрации действительности приводит к тому, что возникают сказочные образы города древней культуры или, напротив, – города супермодернистской архитектуры. В реальном пространстве Токио есть, разумеется, и то и другое, однако ориентиров практически нет. Найти что-либо сложно каким-либо иным образом, кроме отсчитывания поворотов с планом в руках. Даже это помогает не всегда. Я потратил час, чтобы отыскать Накагин-билдинг, сооружение культового, как теперь принято говорить, зодчего – Кензо Танге. Здание-манифест: бетонный стержень, облепленный квартирами-модулями словно гнездами ласточек. Отыскал, чтобы убедиться: известная по журналам и книгам фотография – единственный возможный, один-единственный кадр, видимый с единственного погонного метра посреди пешеходного мостика над улицей. Более ниоткуда. Другое «культовое» сооружение, весьма напоминающее зингеровскую швейную машину, я так и не отыскал, имея в руках специальный план города для гостей-архитекторов. При восьми одинаковых, как слезы, выходах из метро на одинаковые же улицы задача оказалась неразрешимой.

Трава вокруг императорского дворца выбрита, а не стрижена. Все же по-своему замечательная кладка углов в стенах, дополненная отражением в широком рву и спинах гигантских золотых карпов. Маленький парк у реки – слишком «велик», но на закате контражуром суров облик чайного домика на пруду.

Храмы и их сады за глухими стенами – точное подобие древнеримских «vomitorияев». Эти сады и парки – единственные места, где можно вдохнуть полной грудью.

Действуют на воображение: замечательная способность разместить в харчевенке 44 посадочных места на площади менее двадцати квадратных метров; автоматы для безалкого-

door there is a cell eight tatami in seize. By the entrance there is a small bay with a rack. You leave your shoes here. There is nothing except a small table, a collection of Buddhist texts in English and a blanket with a small pillow. But at 5 a.m. you hear a light footfall, strokes of small boards and murmuring of prayers. And a young Japanese, like a dog, sitting at the door, writing something and keeping his eyes glued on me until I switch off the light. I do not know the name of the «dog», I am not supposed to talk with him. He is just present here.

There is a madness of accidental superposition of space and time: at an exhibition by quite a keen designer-conceptualist, who creates fundamentally useless things-symbols, in the crowd of Japanese I see an old wizard of contemporary design – Ettore Sottsass, a Milan citizen, whose studio I visited once. After our professional talk I notice that the Japanese changed their attitude toward me. In this regard there is all the same whether in Tokyo, New York or Moscow.

Let's leave alone those long battles for some fair daily allowances for the students (after doing their best to make Japanese students get well in Moscow, they did not understand why the University authorities cut the visit budget) instead of those 6 (six) dollars just to survive. They also wished to be settled not so densely and to go to Kyoto. Anyhow, I have won my battle at the Kwai River. Partly because Japanese colleagues were convinced of my «international status» at the meetings with American and European visitors. Partly because I managed to bring down my colleague-Sansei from official language so that he confessed to his affiliation with Catholic church, that is with the absolute minority (only 1 % of the population are Catholics), while getting a lot of complications for his career.

... Such town cannot exist, but it does. Magazine spaces and their reality filtration principle lead to initiation of fairy images of a town with ancient culture or on the contrary – a town with supermodernist architecture. In the real space Tokyo is certainly both, however, there are practically no checkpoints. It is difficult to find something unless counting turnings with a plan. But it does not always help. I spent an hour to find Nakagin building, a construction by a cult (as it is popular to say now) architect, Kenzō Tange. It is a building-manifest: a concrete shaft stuck all over with module flats, as if with swallows' nests. I found it to make sure – it is a well-known photography from magazines and books, the only one possible: the only one picture seen from the only one running meter on a pedestrian bridge over the street. There is no other place. I failed to find another "cult" construction, which reminds a Zinger sewing-machine. I had a special city plan for visiting architects, but the task was unsolvable because of eight metro exits equal like tears, which lead to the equal streets.

The grass around the imperial palace is shaved off, but not cut. The corner laying in the walls is wonderful, in its own way. It is supplemented with its reflection in the broad ditch and on the huge golden carps' backs. A small park near the river is too «big», but at sunset the outline of a teahouse on the pond is severe.

Temples and their gardens behind blank walls exactly resemble old Roman «vomitories». These gardens and parks are the only places to breathe freely.

It has a great effect on my imagination: ability to accommodate 44 seats in a small tavern on the area less than 20 square meters; soft drinks machines (cold on one shelf, ice-cold on the second shelf, hot on the third

гольных напитков, где на одной полке cold, на другой – ice-cold, а на третьей – вовсе hot, и все работает; чудовищный по безобразию мемориальный зал шефа судостроительного концерна в Музее морского дела – вылитый член политбюро в окружении чучел тигров, фотографий и живописи (Он с сильными мира сего), равно как подарков; невероятный лабиринт вокзала Сюдзюку – движение рывками от знака к знаку, как и вообще движение по Токио как бы в метро, даже если не в метро, от точки к точке, промежду – нейтральная всепожирающая ткань, Энтропийная воронка.

Завистливое восхищение от избранного в Токио способа засовывать автомобили на парковку в вертикальные многоярусные гаражи. Дешево и сердито: по фронту пять-шесть метров; стальной каркас, обшитый волнистым стальным листом; внутри – «патерностер», бесконечная цепь с поддонами для машин, так что при шести-восьми уровнях влезает 12-15 штук.

Боже правый, какой дрянь и в каких осатанелых колерах здесь торгуют, если чуть отойти от Гиндзы! В стране, художественная изощренность которой стала нарицательной, почти не видно добротного вкуса вещей. Как убого выглядит в действительности сама Гиндза, в ночной кино-съемке обычно явленная чуть ли не как второй Лас-Вегас...

Среди поразившего: в Наре – берут 100 йен за вход в черный как ночь коридор Кайдан-Мегури, игравший с VIII века роль «школы» медитации для буддийских монахов; в телевидении – халтура «из жизни самураев» и мелодрамы весьма убогих съемки и содержания.

Путешествие речным трамваем по Сумида-гава вверх по течению, к Асакуса. Строй домов вдоль реки в таком вот ритме; ...iii...i.ii. – вдруг иногда пятно старого дома. Толпы японских туристов – как всегда, с флажками, чтобы отставший не потерял своих.

Храм богини Каннон в Асакуса, где проходит чудная церемония «сисигосан», чествования трех-, пяти-, семилетних детишек, которые и сами, и частью их родственники в парадных кимоно. Кстати, шелковые настоящие кимоно – от 4 до 12 тысяч долларов, дороже автомобиля; все остальное – чудовищно. В полутьме храма жрец машет прелестным знаменем из полосок рисовой бумаги. Страстное, безудержное фотографирование или видеозапись друг друга – всюду, в каждой точке, все дни подряд. Будто стремятся всякий миг удостовериться, что они существуют.

Район Синдзюку. Конечно, это застроено хорошо, но ни Манхэттена, ни Чикагской «Петли» все равно не получается, даже если это и Кензо Танге с его внутренней площадью, именуемой на американский манер «плазой». Теперь и в Москве стали появляться такого рода офисы: вроде правильно и чисто, но не уходит ощущение фальши, неумения быть собой при страсти быть собой довольным, если вспомнить слова Тrolля из ибсеновского Пер Гюнта.

Бродишь по Музею истории – и никак не укладывается в голове: страна, что различала десяток рисунков-слоев на режущем крае стального меча, что создала вязанье из пенькового каната мундиры пожарной службы, красотой не уступающие самурайским доспехам, что сохранила умение на сто ладов паковать подарок в бумагу, рухнула в китч с каким-то залихватским азартом.

Кое-что – отнюдь не из лучшего – уцелело. Поиск знакомого по Москве эколога – полтора часа блужданий, включая бесполезную капитуляцию перед трудностями и распросы полицейского по его атласу. Зато удалось, наконец, понять систему адресов при отсутствии имен у большинства улиц (в Киото, где целы следы хэйанской планировки, именных улиц гораздо больше). Имя квартала написано

shelf – and everything works; terribly disgraceful memorial hall for the chief of a shipbuilding trust in the ship museum: the very image of a Politburo member surrounded by stuffed tigers, photographs, paintings (he and the mighty of this world) and gifts; incredible labyrinth of Sundzuku station: hitching from sign to sign – as everywhere in Tokyo, as if in the metro, even if not in the metro, from point to point, and between them there is a neutral all-embracing material, Entropy funnel.

I am enviously delighted with the way they park their cars in the vertical multilevel garages in Tokyo. It is quite efficient: 5-6 meters along the front; a steelwork faced with corrugated steel plate; inside there is a «paternoster», an endless chain with trays for cars, so 12-15 automobiles fit on 6-8 levels.

My God, if you walk away from Gindza a little bit, you will see what a rubbish and in what crazy colors they trade here! In the country, which artistic sophistication has become well-known, one practically cannot see a high quality taste for things. How miserable Gindza looks in reality, though it is shown in the night shooting almost as a second Las-Vegas...

It also strikes me that in Nar they take 100 yen as entrance fee to the corridor Kaidan-Meguri, as black as night, which was a meditation «school» for Buddhist monks; on television it is a pot-boiler "from samurais' life" and melodramas with shooting and contests that leave much to be desired.

Traveling by waterbus up Sumida-gava, to Asakusa. A row of houses along the river in the rhythm: ...iii...i.ii., and suddenly a spot of an old house. Crowds of Japanese tourists, with flags for the one detached from the group to find it.

Goddess Kannon's temple in Asakusa, where a wonderful ceremony «sisigosan» honours 3-, 5-, 7-year old children, who are in festive kimono, together with some of their relatives. By the way, silk genuine kimonos cost from 4 to 12 thousand dollars, more expensive than an automobile; all the rest are terrible. In the twilight of the temple a priest waves a lovely banner made of stripes of rice paper. Everywhere, at every point, every day – passionate unrestrained photographing or shooting each other. As if every moment they want to make sure that they exist.

Sindzoky district. Of course, it is well built, but they fail to get neither Manhattan nor Chicago «Loop», even if it is Kendzo Tange with his inner square called «plaza», like in America. The same offices start appearing in Moscow now; it looks like proper and neat, but remains an impression of a fraud and inability to be oneself while longing to be self-satisfied, as said Troll in «Per Gynt» by Ibsen.

While wandering around the history museum, I cannot figure it out: the country that used to distinguish ten patterns-layers on the cutting end of a steel sword, that created firemen's uniforms of hemp rope, which beauty does not yield to samurai's armour; that keeps the skill to pack a gift into paper in one hundred ways, – this country has fallen to kitsch with excitement.

Something, not the best, has survived. I looked for an ecologist that I had known in Moscow for an hour and a half, including vain capitulation to difficulties and asking a policeman to find the place in his atlas. But finally I managed to understand the address system, provided that many streets had no names (in Kyoto, where Heian planning still remains, there are much more named streets). The block's name is inscribed on a tiny plate fixed on a corner building at a height of a knee, as if a geodesic checkpoint. The house number refers only to the time of construction with

на крошечной табличке, закрепленной на угловом здании на высоте колена, будто репер геодезистов. Номер дома отражает лишь время его постройки относительно других зданий того же квартала. Проще не становится, но хотя бы понятнее. Неудивительно, что без тщательного плана в руках никто никого не может найти.

Сдавленные со всех сторон городской тканью ограды кладбищ, внутри которых – почти подобие того, что вокруг, но в миниатюре.

Квартира общей площадью 54 квадратных метра почитается роскошной.

Европейских знаменитостей почему-то норовят принять во французском ресторане «Пти-Пуан» или во «Флоренции», изготовленной в кирпиче наподобие Палаццо Синьории. При всех достижениях в индустрии и бизнесе комплекс неполноценности, породивший Революцию Мэйдзи 1861 года и наново ею порожденный, по-видимому, никуда не ушел. Есть и оборотная сторона. Во «Флоренции» Арата Исодзакэ один из столпов японской нынешней архитектуры при нашей встрече с Жаком Дюфи и Марио Боттой замечательно описал свою лекцию в той, настоящей Флоренции. Он выступал в дивном зале Виньолы, но зато там не позаботились о затемнении, так что вместо показа слайдов пришлось бурно жестиковать.

В поисках Японии еду в Киото, запасись у моего бывшего антагониста десятком фраз на диалекте. К стыду своему, я нигде ранее не читал о том, что в Киото фактически говорят на совсем другом языке. Диалектом его можно назвать сугубо условно, исходя из застарелой политической традиции. Уж если «спасибо» в Токио – аригато, а в Киото – О-кини, то шуточки в сторону. Скоростной экспресс «Хикари», в котором среди прочих удобств есть (наряду с японским – без унитаза) и европейский туалет. Среди пассажиров меньше сугубо крестьянских лиц – классовый отбор в действии. Посреди пути в окно с божественным спокойствием вливается далекая Фудзияма. Все, что я пересмотрел по местности по имени Суруга, где священная гора в центре всякой композиции вида, оказалось правдой.

Я выбрал традиционную гостиницу за городом, где оказался единственным европейцем, вызвавшим сдержанное любопытство окрестного населения. Сравнительно с токийской кельей здесь было просторнее, а к столику, матрасику и подушке, завернутой в стеганое одеяльце, добавились термос китайского производства и телевизор. Можно было заказать ванну в бочке (однако же в выложенной испанским кафелем комнатке в подвале), тогда как в монастыре ванна-бассейн была на всех одна, и набивалось в нее народу немало. В бумажных стенах слышен каждый шорох. Выходя в туалет, что в коридоре, надлежало сначала обуть пластиковые тапки, дойти до двери туалета, снять тапки, обуть другие, войти внутрь, затем повторить все в обратном порядке. Отсюда степенность всякого передвижения и ритм легкого стука шлепанцев о вощеные доски пола в коридоре.

Храмовый комплекс Санджю-Сангендо: могучий эффект мультипликации тысячи одномерных бодисатв при одной статуе в центре, полусвет и запах палочек и темное дерево под пятками в носках. И непрерывный поток гимназических классов в черных мундирчиках и черных фартучках девочек.

Довольно долгий пеший путь к другой цели паломничества – тропа, к которой я вышел правильно, уточнив место у трех местных граций. Их лица напряглись, когда я направился в их сторону (ясное дело – американец, американцев же здесь, понятное дело, недолюбливают). Однако аккуратно выговоренное «до йатте ике мас ка Гинкакудзи до но» вызвало тень улыбки. Густой «суп» из гимназистов, которым не менее наплевать на все древние красоты, чем

regard to other buildings of the same block. It becomes not easier, but at least clearer. No wonder that nobody can find anybody without a detailed plan.

Cemetery fences squeezed from everywhere by the city material, inside of which there is almost a resemblance of what is outside them, but in a miniature.

A flat with the total area of 54 square meters is considered luxurious.

European celebrities are for some reason welcomed at the French restaurant «Petit Point» or in «Florence» built in brick like Palazzo Seniorii. Given all the progress in industry and business the inferiority complex, that caused Meidzi revolution in 1861 and was later caused by it, did not disappear. There is also an underside. In «Florence» Arata Isodzaki, one of the celebrities of Japanese contemporary architecture, at our meeting with Jacque Dufi and Mario Botta described brilliantly his lecture in the real Florence. He made a speech in a wonderful Viniola hall, but they had not troubled about darkening, so he had to actively gesticulate instead of showing slides.

While looking for Japan I go to Kyoto, having provided myself with ten phrases in the dialect, which I have taken from my former antagonist. To my shame I have never read that they actually speak quite a different language in Kyoto. It can be called a dialect only relatively, on the assumption of an old political tradition. Joking apart, for example «thank you» in Tokyo is «arigato», and in Kyoto it is «okini». A high-speed flier «Hikari» provided with a European toilet along with a Japanese one, without a closet basin. Class selection is afoot, because there are only a few peasants among the passengers. On the way a faraway Fujiyama sails into the window with divine tranquility. Everything that I have translated about the place named Suruga with the holy mountain in the center of any view composition turns out to be true.

I chose a traditional hotel out of town and turned out to be the only European who aroused reserved curiosity of the local population. Comparing to a Tokyo cell it was more spacious there, and a thermos made in China and a TV set were added to a small table, a mattress and a pillow wrapped in a quilt. I could order a bath in a barrel (though in a small room paved with Spanish tiles in the basement), while in the monastery there was only one bathroom-pool crowded with a lot of people. Any rustle is heard in the paper walls. When going to the toilet in the corridor one had to put on plastic slippers, approach the toilet door, take off the slippers, put on the other slippers, enter the toilet and then repeat everything in the reverse order. From this they have dignity in every movement and a rhythm of a light clatter of slippers against waxed boards of the floor in the corridor.

The temple complex Sanju-Sangendo: a mighty multiplication effect of thousand one-dimensional bodhisattvas having one statue in the center, twilight, smell of sticks and dark wood under the feet in socks. And continuous stream of gymnasium classes in black suits and girls' black aprons.

It is quite a long walkway to the other pilgrimage target – a path that I reached after inquiring three local Graces about the place. Their faces became tense when I directed my steps to them (of course, an American, they do not like Americans here). However, my accurate pronunciation of «do yatte ike mas ka Ginkakuji do no» aroused their slight smile. A rich «soup» of students who do not care for all the old beauties as well as in our museums, but I had to go through a crowd of flashes: these children also photograph exclusively each other with single-use cameras. A

в наших музеях, зато идти приходится сквозь череду фото-вспышек: и эти детки фотографируют исключительно друг друга одноразовыми камерами. Странноватый эффект конуса, призванного отражать лунный свет (потом я понял, что это – модель снежного усеченного конуса Фудзи, похожая на очень большой «куличик» из песка), прелесть вязки перекладин и «вееров» для подметания мхов. Игра коле-ров множества видов кленов.

Киёмидзу, куда я добрался сам, причем чуть с другой, менее коммерческой стороны. Страшное разочарование с керамикой и вообще поделками (с трудом нашел подноси-ки из бамбука, и те под густым лаком). Настоящее ремесло есть, но нужно, чтобы кто-то привел к мастеру, и цены астрономические. Зато я забрался наверх как раз вовремя, чтобы видеть закат с террасы, про которую переводил когда-то. Немногочисленные европейцы – как щепочки, уносимые японским туристским людворотом, – слабо улыбаются друг другу издалека.

К Кинкакудзи ехал на такси, что правильно: при разбор-санности долины Киото нужно много времени, чтобы не упустить свет осеннего дня. На фоне цветового буйства листья даже позолота павильона с фениксом на кровле не раздражает и пригашена, храмик наверху, где все ударяют в колокол плоско брусом, так что звук очень приглушен. Гигантские рощи бамбука недоступны за стеной.

Риоандзи – знаменитый сад камней – не впечатляет: дзенского начала во мне, по-видимому, маловато. На краю террасы восседают японские туристы, слушая через наушники, что им надлежало бы делать для достижения слиян-ности с мироустройством. Не сливаются. Это – не их. Они здесь не менее, если не более чужие, чем я сам.

Нин-Надзи: сначала страшное разочарование плюс уста-лость и голод, но затем все же засунулся в павильон, там дивные угловато-зигзажные переходы на вилле и росписи, что особенно хороши при взгляде снаружи вовнутрь, – тем-ное дерево, прохлада которого ощущается сквозь носки.

Вообще, свинцовый отблеск глазури на черепицах и круглых «пробках», которыми прикрыты их концы снаружи, – гениальная японская «штучка».

В Киото, в метро, в отличие от токийского, поразила странная, едва ли не торжественная церемония выстраива-ния двумя поперечными очередями к дверям еще не подо-шедшего поезда метро.

В отличие от Токио, в Киото угнетенно-беспросветное ощущение суety слабее, однако, и здесь, в электричке, идущей вечером в пригороды, я не видел ни одной трезвой физиономии. Видывал я в жизни вусмерть пьяные дерев-ни и слободы, видывал баварские пивные заведения, где абстинентам нечего делать, но здесь нечто качественно иное. Ритуал сидения за чашками сакэ после работы неот-вратим и привычен. В вагоне не было пьяных, но не было в нем и трезвых – равномерно-монотонная прихменность уныло усталых людей.

Никак я не ожидал столь острого ощущения разрыва с прошлым, по силе приближающегося к нашему 17-му году. В эпоху Мэйдзи – это были смешноватые для внешнего наблюдателя, такие истово напряженные попытки полно-стью скопировать архитектуру разом со всем ее наполнени-ем, будь то отель, или универмаг, или кофейня, где читают газеты (в Киото в кофейне на третьестепенной улочке я обнаружил филадельфийский агрегат для помолы кофе с клеймом 1880 года). Сейчас в глаза бьет какое-то без-умие бескорневого компьютеризованного феодализма, где любые общественные движения мыслимы не более, чем у нас в лихие брежневские времена.

Трехэтажный игральный «зал», где за сплошь стеклян-ной стеной, как в аквариуме, на всех трех уровнях чуть

strange effect of the cone, which reflects moon light (later I understood that it was a model of a snowy truncated cone of Fuji looking like a very big sand Easter cake), charm of bundling crossbars and «fans» for sweeping moss. A play of colours of numerous kinds of maples.

I reached Kiemidzu by myself, from a less commercial side. I was much disappointed in ceramics and articles in general (I could hardly find bamboo trays, only under a thick layer of varnish). Real craftsmanship does exist, but it is necessary to be lead to the craftsman by somebody, and the prices are extremely high. But I climbed the top just in time to see the sunset from the terrace, about which I translated once. A few Europeans looked like chips driven away by Japanese tourist churning of people, they slightly smiled to each other from a distance.

I took a taxi to go to Kinkakuji, which is a right way, because of dispersion of Kyoto valley it takes a lot of time in order not to miss the light of an autumn day. Against a background of colourful splendour of leaves even the gild-ing of the pavilion with a phoenix on the roof does not irri-tate, it is dimmed; in a small temple at the top everybody strikes the bell flatly with a bar, so the sound is muted. Giant bamboo groves are inaccessible behind the wall.

Rioandzi, a famous stone garden, does not make a big impression: probably I have too little Zen basis. At the edge of the terrace Japanese tourists are listening in the earphones to what they are to do to reach fusion with dis-pensation. But they do not fuse. It is not for them. Here they are not less, maybe even more alien than me.

Nin-Nadzi: first it is a big disappointment plus tiredness and hunger, then I drop into the pavilion. There are won-derful angular-zigzag passages in the villa and paintings especially beautiful when looking inside from outside, dark wood, which coolness is perceived through the socks.

In general leaden gleam of glaze on the tiles and round «plugs» covering their ends from outside is an ingenious Japanese «thing».

In Kyoto metro, in contrast to Tokyo one, a strange, almost solemn ceremony of making two cross lines to the doors of a train yet to come.

In contrast to Tokyo, in Kyoto the depressed and hope- less feeling of fuss is less, but here, in the electric train going to the suburbs in the evenings, I did not see a single sober face. In my life I used to see blind drunk villages and outskirts, Bavarian alehouses where abstinent have noth- ing to do, but here it is something quite different. The rite of sitting with the cups of sake after work is inevitable and habitual. There were no drunks in the car, but there were no sober men either – just a uniformly monotonous light intoxication of downcast and tired people.

I did not expect such a pungent feeling of gap between the present and the past, which strength was close to our 1917. In Meidzi epoch it was such intensive attempts to completely copy the architecture as a whole no matter if it was a hotel, or a department store, or a coffeehouse where they read newspapers (in Kyoto coffeehouse in a minor street I found a Philadelphian coffee grinder branded 1880). It looked funny for an outer observer. Now one's eye can be stricken with a kind of madness of rootless comput-erized feudalism where probability of any social movement is not more than in our Brezhnev's jaunty time.

A three-storied playing room where behind the glass wall, like in an aquarium, on all the three levels almost two thousand people drive a small ball at one and the same type of machine – like in Las Vegas. But there is a difference: in Las Vegas there is no many-storied develop-ment of this type. The industrial principles are withdrawn,

не две тысячи человек гоняют шарик на одном типе игрового автомата, – это очень похоже на Лас-Вегас. Но это иное: в Лас-Вегасе нет многоэтажности такого рода, снято или, если хотите, тщательно замаскировано индустриальное начало. Наконец, там вскрикивают, хохочут, без дурных чувств поворачивают голову на звук чьей-то удачи, когда дождем сыплются монеты. Здесь – молчат.

Настырная декоративная веселость в дискотеках Синдзюку, алчный жор в тамошних ресторациях, в вагонах поезда молодые и не думают уступить место старшим, а в газете читаешь о распространении специального юридического термина «кароси», означающего смерть от чрезмерного переутомления на работе как основание для судебных исков. Вместе с унылым пьянством это еще одно подтверждение перегрева и сверхстресса, из которого должен непременно следовать психологический кризис. Кстати, электронная игрушка, которая выброшена из Японии в мир и у нас известна под названием тамагочи, сделана все же не для подрыва мировой морали, но для собственного утешения. Вот уж поистине Станислав Лем может быть доволен: одна из его «Сказок Роботов», та, где Трурль или Клапаций соорудили маленький мирок под стеклянным колпаком, реализована напрямую в компьютерной игрушке, внутри которой надо выхаживать виртуального зверька. Впрочем, может, она и компьютерная, но точно не вполне игрушка.

Достаточно открыть японско-русский словарь, чтобы узнать – на поверхности вещей все просто и невинно: тама – это шарик, гози – это пальцы, вместе получается – так себе, пустячок. Но, по правилам японской поэзии, за словом написанным есть слово произнесенное, а за ним прячется в тени начертанный аналог его омофонического двойника. А тогда имеем совсем иную картинку: тама – душа, гози – приношение нескольким богам. Вместе: тамагочи – это душа, приносимая богам.

Среди последних вестей по ТВ наряду с обещаниями некоего лекаря назло всем клонировать бесплодного родителя – весть о выставке игрушек в Гонконге, где как раз случилась премьера игрушки под названием Lover.

<http://www.glazychev.ru/habitations&cities/tokio.htm>

or you may say they are carefully masked. In Las Vegas they scream, shout with laughter, turn their heads to the sound of somebody's luck when the coins fall down like a rain. Here they keep silence.

Annoying and artificial cheerfulness at the discos in Sindzuku, greedy gobbling in restaurants. In the train young people never give place to the old ones. In the newspaper they write about propagation of a special juridical term «karosi», which means death after overstrain at work as a ground for court actions. Together with downcast drunkenness it is another confirmation of overheating and superstress, which inevitably results in psychological crisis. By the way, the electronic toy that Japan put out around the world, which is known as tamagosi, is produced not to undermine the world morals but to console themselves. Stanislaw Lem can be pleased: one of his «Robots' Fairy Tales», where Trurl and Klapaci created a small world under the bell glass, is realized directly in a computer toy, inside of which one should bring up a virtual animal. It is not quite a toy, though it is a computer one.

It is enough just to open a Japanese-Russian dictionary to find out (on the surface everything is simple and harmless): tama is a small ball, gosi is fingers, together it makes a mere trifle. But according to the rules of Japanese poetry a written word is followed by a pronounced word, behind which there is its homophonic double's inscribed analog. Then we have quite a different image: tama is a soul, gosi is a sacrifice to several gods. Together tamagosi means a soul sacrificed to gods.

Among the latest TV news, together with a healer's promise to clone a childless parent, there is news about exhibition of toys in Hong-Kong with a new production of a toy called Lover.

<http://www.glazychev.ru/habitations&cities/tokio.htm>

фото
Петер Фойстель
photo
Peter Feustel